

vira vi

Пора

— Сдались они мне! — прорывается сквозь раскаленный воздух.

— Твои родственники — ты и общайся!

Мама идет впереди, несет венок: мне ничего доверить нельзя. Разве что сумку с кошельком. Я отстаю на полшага, а может — и на все два, плююсь на асфальт и думаю о том, как не улыбаться от слова «умер».

Впереди кладбище. Нет, лес. Деревья растут густо, боязливо прижимаясь друг к другу. Могилы меж ними теряются, ложатся редкими проплешинами.

Мама, завидев отца у ворот, замедляет шаг, расправляет спину.

— Боже мой, — выдыхает она, чуть ли не роняя венок. — Как выдержать...

Отец не в трауре. Он растерянно улыбается, распятый посреди торговки искусственными цветами, щурится от неумолимо яркого солнца.

Мы здороваемся кивками — родные, давно чужие люди.

— Как она? — спрашивает мама, нервно поджимая губы.

— Нормально, нужен еще один венок, — отцу не до чувств. Ему полагается быть холодным.

Вдвоем они заходят в пристройку у самого въезда, в дверях сталкиваются с бабушкой. Мама сыплет соболезнованиями: она умеет вставлять нужные слова в нужные места в нужных обстоятельствах, не теряется и не молчит. Мама не я. Бабушка рассеянно кивает, точно отмахивается от слов. Глаза ее бегают, старательно обходят меня стороной.

— Вы как себя чувствуете? — спрашивает мама.

— Держусь, Риточка, держусь... Да... Помаленьку, — верится с трудом. Накануне у бабушки умер ее идол, дражайший супруг: свалился с пьедестала прямиком в могилу. А причина будничная — рак.

— Синяя или фиолетовая? — отец спрашивает о своем. — Лента какая лучше?

— Синяя, — отвечает мама.

— Да, фиолетовая, — кивает бабушка.

Я, неприкаянная, брожу за ступеньками. Мама выглядывает в проем, просит передать деньги. Я долго вожусь с сумкой, читая в глазах мамы привычное: «Ничего сделать не можешь, вся в отца», — пока тот, не дождавшись нас, расплачивается сам.

— А на поминках кто будет? — любопытствует мама.

— Я, ты, Даша, мама, — сухо перечисляет отец. — Четверо. Всё.

— Всё?!

— Кому еще быть, Рита? — причитает бабушка. — Сестра евоная не может: ноги отнялись. А больше у нас никого не осталось.

Мама жует воздух, морщится.

Мы отходим в тень, под деревья. Ждем священника и гроб. Бабушка принимается рассказывать о звонке из больницы, о предчувствии смерти, о беспокойной ночи накануне. Мама терпеливо слушает, смотрит в одну точку. Отец пропадает на минут двадцать, возвращается с холодным «приехали» на губах.

Могила далеко, и мы грузимся в машину. Я, внутренне цепenea, сажусь спиной к гробу, сосредоточенно изучаю свежие лица носильщиков. Школьники. Кажется, младше меня.

— Едем? — маме не терпится поскорее со всем покончить.

— Едем, — соглашается бабушка. — Прости, Господи!

— Как он там? — отец странно улыбается, кивает на мертвеца.

Я оборачиваюсь, но ничего не вижу, кроме белой ткани.

— Вань, отстань от ребенка! — возмущается мама.

— Покойся с миром! — Бабушка судорожно крестится.

— Вы плачете, не бойтесь, — говорит мама. — Здесь все свои. Плакать надо.

— Нельзя ей плакать, — отрезает отец. — У нее сердце шалит в последнее время. И давление скачет.

— Ой, да, Риточка, — лепечет бабушка, прижимая край платка к груди, — с сердцем надо было оперироваться. Костя пока жив был, я оставить его не могла, никак не ложилась. А сейчас, наверное, уже помру...

Машина останавливается. Мы выходим, неровной цепью идем к свежей насыпи, тянемся за гробом. Священник, надутый как шар, бросив автомобиль поперек дороги, подходит к нам, спешно раздает свечи.

Пора.

Саван отбрасывают в сторону, и я вижу восковое лицо дедушки. Огонь моей свечи мечется, прячется за ладонью. Бабушка тяжело роняет голову, молится за упокой. Священник принимается бубнить: путается в словах, сбивается, принимается читать быстрее и быстрее. Мама стоит с каменным лицом. Ее свеча то и дело тухнет, густо дымит на ветру. Отец держится поодаль. В его глазах нет горечи — одна сплошная усталость.

Молитву прерывает гудок: автомобиль мешает кому-то проехать. Священник раздраженно пыхтит, машет на маму рукой: мол, иди решай. Мама бежит к дороге. Недовольство рассеивается, но не сразу. Еще минуты две мы терпеливо ждем, пока шум утихнет. Вернувшись, мама вновь зажигает свечу, переводит дух, заправляя волосы под платок. Ее лоб горит красным, над губой блестят капельки пота.

Священник заканчивает молитву и молча отходит от гроба, жестом приказывая укрыть лицо усопшего. Никто не двигается с места. Я через силу глотаю горькую слюну, прячу глаза. В воздухе накаляется ожидание. Наконец, мама не выдерживает, подступает к гробу. Дедушка, восемнадцать лет назад выставивший ее на улицу с двумя детьми на руках, мирно спит на белой подушке. Его лицо спокойное: он больше не боится, что Маринка с детьми оттяпает проклятые деньги. Страх покинул тело вместе с жизнью. Отец отворачивается. Щеки бабушки блестят слезами. Моя свеча горит ровно, нестигаемо.

— Давайте уже! — брякает священник.

Мама разворачивает саван и отшатывается, ошарашенно озираясь. Я хочу поймать ее взгляд хотя бы на долю секунды, но мама смотрит куда-то вверх — сквозь деревья, в небо, в будущее.